

Осадченко Эльвира Олеговна

Кандидат юридических наук

Доцент ВолГУ РФ, г. Волгоград

Шарков Максим Сергеевич

Студент магистратуры 1 курса

ВолГУ РФ, г. Волгоград

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ИХ ЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ (ТОКЕНЫ, NFT)

Аннотация. В данной статье анализируются ключевые особенности цифровых прав, которые выступают в качестве специфичных объектов гражданских правоотношений. Автором раскрывается понятие цифровых прав, дается характеристика основных признаков. В статье определяются основные виды цифровых прав. Делается вывод, что действующее законодательство РФ обеспечивает комплексную защиту цифровых прав в разрезе актуального законодательства. С учетом специфики современных технологий необходимо дополнить существующую нормативную базу новыми способами защиты цифровых прав и разработать отдельный федеральный нормативный акт «О цифровых правах».

Ключевые слова: цифровые права, защита, токены, «цифровая вещь», гражданское законодательство, формы защиты цифровых прав.

DIGITAL RIGHTS AND THEIR PROTECTION IN CIVIL CIRCULATION (TOKENS, NFTs)

Abstract. This article analyzes the key features of digital rights, which act as specific objects of civil legal relations. The author explains the concept of digital rights and characterizes their main features. The article defines the main types of digital rights. It concludes that current Russian legislation provides comprehensive

protection of digital rights within the context of current legislation. Given the specifics of modern technologies, it is necessary to supplement the existing regulatory framework with new methods for protecting digital rights and develop a separate federal regulatory act «On Digital Rights».

Keywords: digital rights, protection, tokens, «digital thing», civil law, forms of protection of digital rights.

Введение. В рамках специализированной информационной системы функционирует особая категория прав — цифровые права, основное назначение которых состоит в аккумулировании финансовых ресурсов для реализации конкретных задач. Владелец такого права (инвестор) получает законную возможность предъявлять требования к должнику относительно исполнения взятых им обязательств или данных гарантий. Функционирование данного механизма подчиняется нормативным положениям, установленным внутри соответствующей информационной платформы.

Активы в электронном формате представляют собой разнообразные ресурсы и права, существующие исключительно в виртуальном пространстве. К таким объектам относятся электронные ценные бумаги, различные виды токенов, криптографические валюты и прочие виртуальные ценности, функционирующие благодаря современным IT-решениям, включая технологию распределенных реестров. Особенностью подобных активов является способность к самостоятельному выполнению программных алгоритмов и договорных обязательств, что значительно повышает открытость и результативность финансовых транзакций. Владельцы виртуальных активов получают доступ к конкретным сервисам или полномочиям, применяя их для капиталовложений, расчетных операций или вовлечения в разнообразные бизнес-начинания и общественные программы.

Результаты. Законодательство определяет цифровое право как метод регистрации индивидуальных гражданских правомочий посредством их

отражения в электронных информационных платформах [4]. Цифровые права имеют свою правовую природу, которая определяется законодательством. Согласно Федерального закона от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», цифровые права относятся к объектам гражданских прав, однако они не рассматриваются как самостоятельные объекты гражданских правоотношений [3]. Правила информационной системы регулируют как установление, так и реализацию таких инструментов, которые служат механизмом закрепления различных правомочий, включая обязательственные отношения.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса цифровые права являются объектом гражданских прав и относятся к категории «имущественные права» [6, с. 3]. Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 141.1 (пункт 1) закрепляет нормативное понятие цифровых прав, относя к данной категории строго определённый законом перечень имущественных и других правомочий. Особенностью таких прав является возможность их использования, делегирования полномочий или установления ограничений исключительно через электронные системы, при этом вмешательство посторонних субъектов в процесс не требуется [9, с. 39].

Цифровые права базируются на законодательных нормах и их интеграции в информационные системы. Эти права способны фиксироваться в цифровой среде, обеспечивая взаимодействие между участниками гражданских правоотношений и различными правовыми категориями.

Рассмотрев представленное определение, можно выделить три ключевые характеристики цифровых прав. Первая особенность заключается в их правовой природе – они относятся к категории обязательственных либо других прав. Следовательно, цифровые права не выступают принципиально инновационным феноменом в системе объектов гражданско-правового регулирования. Их содержание раскрывается посредством соотнесения с другими объектами, признаваемыми в гражданском праве. Стоит отметить,

что законодатель намеренно оставил пространство для эволюции нормативного регулирования, допуская включение в данную категорию других объектов гражданско-правовых отношений, реализуемых в электронном пространстве. Однако расплывчатая формулировка в ситуации, когда правовой механизм цифровых прав ещё не устоялся, порождает скорее проблемы с установлением границ действия этого института, нежели перспективы его развития. Характерно, что само определение прямо упоминает лишь обязательно-правовые отношения, тогда как остальные потенциальные разновидности цифровых прав обозначены общим понятием «иные права». Подобная законодательная конструкция даёт основание считать, что основным содержанием цифровых прав являются именно требования [7, с. 6].

Отношения, связанные с цифровыми правами, характеризуются ярко выраженной спецификой субъектного состава. Оператор получает существенные юридические полномочия по установлению параметров реализации цифровых прав внутри своей информационной системы в рамках, предусмотренных законодательством. Особая роль и правовое положение оператора — субъекта, устанавливающего параметры информационной системы и обеспечивающего её работу, — автоматически вытекает из самой природы цифровых прав. Ключевая характеристика цифровых прав состоит в том, что их содержательное наполнение и порядок оборота устанавливаются регламентом информационной системы.

Информационная система выступает единственным пространством для реализации цифровых прав — за её пределами такие права либо трансформируются в другую форму, либо полностью утрачивают силу. Данная особенность согласуется с мнением Р. А. Курбанова, отмечавшего, что весь жизненный цикл электронных прав — от возникновения до прекращения — протекает исключительно внутри информационной системы [7, с. 8]. Ключевая характеристика состоит в автономности управления цифровыми

правами: их владелец действует напрямую через информационную систему, без привлечения обязанной стороны.

В марте 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», расширяющий перечень объектов гражданских прав в Российской Федерации [3]. Отличительной особенностью этого закона является включение цифровых прав в список объектов гражданских прав. Реализация и определение цифровых прав происходит исключительно через информационные системы, которые должны отвечать законодательно закрепленным требованиям. Необходимо подчеркнуть, что любые операции по управлению такими правами, включая их передачу или установление ограничений, выполняются внутри этих систем автономно, без участия посторонних субъектов. При этом цифровые права представляют собой форму закрепления различных прав, в том числе обязательственного характера, однако их нельзя считать отдельной категорией объектов в системе гражданско-правовых отношений.

Предложенная в законе формулировка понятия цифровых прав носит формальный характер, так как сводит их лишь к имущественным объектам, существующим в рамках информационных систем [4]. В нормативных актах содержится лишь общая характеристика цифровых прав как обязательственных либо иных правомочий, специфика и содержание которых определяются функционалом информационной системы при условии их законодательного соответствия. При этом дополнительных пояснений, раскрывающих данное понятие более глубоко, законодательство не содержит.

Статья 141.1 Гражданского кодекса РФ содержит понятие цифровых прав, которое имеет ограниченный характер и распространяется исключительно на те правомочия, что прямо указаны в данной норме как формируемые и функционирующие в электронном виде [1]. Вместе с тем, данная трактовка не включает в себя весь спектр объектов, допускающих трансформацию в различные электронные форматы.

Классификация цифровых прав требует понимания, что их можно разделить на различные категории, внутри которых существует дополнительная градация по конкретным электронным объектам. На данный момент отсутствует четкое разграничение между непосредственно цифровыми правами в гражданском обороте и связанными с ними явлениями, такими как интеллектуальная собственность или обязательственные правоотношения. Это объясняется тем, что правоотношения в цифровой сфере лишь недавно были интегрированы в систему гражданского законодательства. «Если все же говорить об общей классификации цифровых прав, то она может быть примерно такой: 1) цифровое (виртуальное) имущество; 2) цифровые активы; 3) смарт-контракты; 4) цифровые услуги» [10, с. 16].

Г. А. Вакулина отмечает, что современная правовая база закрепляет существование двух разновидностей цифровых прав, представляющих собой модернизированную версию традиционных имущественных и прочих правомочий, однако при этом в законодательстве отсутствуют достаточные правовые механизмы для урегулирования вопросов осуществления и охраны интересов владельцев утилитарных токенов и активов финансового характера в цифровом формате [6, с. 11].

В эпоху цифровой трансформации возникает потребность пересмотра концепции вещного права, что обусловлено необходимостью законодательного закрепления термина «цифровая вещь». Специфика виртуальных объектов состоит в отсутствии физической формы, что определяет их природу как совокупности уникальных данных, позволяющих идентифицировать конкретный цифровой актив и выделить его среди прочих объектов, регулируемых гражданским правом.

Цифровая вещь характеризуется специфическими чертами, обусловленными её бестелесной сущностью, при этом сохраняя фундаментальные свойства традиционных объектов: возможность принадлежать субъекту права, представлять имущественную стоимость,

находиться под юридическим контролем владельца и использоваться в качестве компонента собственности.

Цифровые объекты представляют собой нематериальные ценности, функционирующие исключительно в виртуальном пространстве, при этом их восприятие происходит через органы чувств наравне с осознанием, что кардинально отличает их от физических предметов, которые мы ощущаем как элементы вещественной реальности посредством сенсорного восприятия.

Цифровая вещь обладает уникальной характеристикой, отличающей её от традиционных объектов: она функционирует исключительно в электронном пространстве. Гражданско-правовые отношения относительно такого объекта возникают лишь через модификацию или создание данных в соответствующей информационной системе. Эта специфика существования в виртуальной форме и механизм оформления прав через цифровые записи составляют её отличительную особенность наряду с характеристиками, присущими любым материальным объектам [5, с. 179].

Электронные объекты, обладающие материальной ценностью и способные участвовать в гражданском обороте, следует классифицировать как цифровые вещи, подчиняющиеся вещно-правовому регулированию, за исключением случаев, когда законодательство или природа таких объектов диктуют иное. Не признаются цифровыми вещами те электронные данные, которые либо не входят в имущественную массу субъекта, либо лишены экономической стоимости, либо неразрывно связаны с личностью человека.

В настоящее время юридические системы различных государств сталкиваются с трудностями при установлении юридического статуса виртуальных активов и их классификации среди объектов гражданско-правовых отношений. В законодательных актах государств континентальной правовой семьи (включая французское и германское право) исторически выделяются две категории имущественных объектов: физические объекты (представляющие собой материально осязаемые предметы окружающей действительности, допускающие фактическое обладание) и нематериальные

имущественные права (охватывающие любые имущественные интересы, воплощающие обязательственные либо иные субъективные правомочия, подлежащие принудительной реализации).

Таким образом, на текущий момент правовое регулирование цифровых прав в России переживает этап формирования, при этом законодательные формулировки пока не отражают полноценного содержания данного явления и имеют преимущественно формальную направленность без глубокого раскрытия их истинной природы.

Как было указано выше, еще в 2019 году статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации зафиксировала цифровые права как отдельную категорию объектов в гражданско-правовых отношениях. Однако данная интерпретация отличается значительной широтой охвата, так как охватывает не только обязательственные, но и прочие виды правовых отношений. Специфика цифровых прав заключается в том, что их осуществление требует следования регламенту функционирования информационных систем — именно этот аспект требует дополнительного юридического урегулирования. В связи с этим информационная цифровая система должна базироваться на чётко установленных законодательством характеристиках. Владельцы могут осуществлять управление только теми электронными правомочиями, что закреплены за определённой компьютерной платформой.

При детальном анализе становится очевидно, что действующее законодательство не определяет конкретных механизмов правового регулирования для защиты цифровых прав. В связи с этим при разрешении споров возможно применение традиционных гражданско-правовых механизмов защиты, однако необходимо учитывать характеристики цифровых объектов и природу конкретного правонарушения. Это требует от судебных и административных органов персонализированного подхода к каждой ситуации, связанной с нарушением прав в цифровой сфере.

Проблематика юридического обеспечения подобных прав заключается в отсутствии признания токенов ценными бумагами в действующем отечественном законодательстве, что существенно ограничивает возможности держателей токенов отстаивать собственные законные интересы. В реальных условиях охрана цифровых активов проявляется, в частности, через обеспечение прав держателей токенизированных инструментов, позволяющих осуществлять операции с корпоративными финансовыми активами. В зарубежных юрисдикциях токены признаются полноценными финансовыми инструментами с законодательно закрепленным статусом, что предоставляет их держателям доступ к разнообразным механизмам правовой защиты цифровых активов. В Великобритании особому регулированию подлежат security-токены (как инвестиционные инструменты) и e-money-токены (как электронные денежные средства, регулируемые Положением об электронных деньгах 2011 г.) [8, с. 130].

Одновременно с этим цифровые права подчиняются стандартным положениям гражданского законодательства: транзакции с токенами могут быть аннулированы при выявлении факта мошенничества. Покупателю токенов полагается компенсация ущерба, а операция признается юридически ничтожной, когда приобретение цифровых активов происходило исключительно через мошеннические манипуляции. Учитывая, что эмиссия токенов предполагает официальное заявление о вложении капитала и прочих активов, обманные схемы становятся основанием для аннулирования транзакции.

Токены и прочие цифровые активы подпадают под действие механизмов защиты прав, применяемых при возникновении договорных обязательств. Это означает, что, несмотря на узкоспециализированную природу, токен способен являться отдельным объектом сделки. В связи с этим при составлении соглашения о купле-продаже таких цифровых активов рекомендуется детально определить материальные последствия несвоевременного выполнения условий контракта. В частности, договор может содержать

положения о штрафах и неустойках за нарушение сроков исполнения обязательств.

Когда участник рынка при создании токена умышленно указывает недостоверные данные о токенизируемом объекте имущественных отношений, законодательство предусматривает возможность его привлечения к имущественной ответственности. Подобное поведение квалифицируется как мошеннические действия со стороны данного участника. Законодательство Российской Федерации, в частности закон № 2300-1 от 7 февраля 1992 года, посвященный защите потребительских прав [2], становится правовой основой для регулирующих органов в подобных ситуациях. Распространение недостоверных сведений в социальных медиа определёнными лицами может квалифицироваться как несоблюдение норм рекламного законодательства. Таким образом, можно сделать вывод, что в Российской Федерации действующее законодательство обеспечивает комплексную защиту цифровых прав в разрезе актуального законодательства.

Таким образом, можно заключить, что для защиты цифровых прав применимы стандартные механизмы, существующие в гражданском законодательстве. Учитывая особенности цифровых прав и характер правонарушений, совершённых участниками гражданско-правовых отношений в каждой отдельной ситуации, допустимо применение традиционных защитных инструментов, предусмотренных гражданским правом.

Судебная практика в сфере охраны цифровых прав только зарождается, что создаёт трудности для юристов при поиске готовых решений. Целесообразно создать специализированный Федеральный закон «О цифровых правах», где будут детально прописаны не только природа таких прав, но и практические инструменты их защиты с учётом современных тенденций. Учитывая уникальные характеристики данной категории прав, действующее законодательство требует расширения за счёт альтернативных механизмов защиты цифровых прав. Принятие этого нормативного акта

станет ключевым инструментом для устранения противоречий и создания современной судебной практики, касающейся охраны прав граждан в цифровой среде на территории Российской Федерации.

Выводы. Таким образом, блокчейн и интернет-технологии выполняют ключевую функцию в гарантировании надёжности при операциях с виртуальными правами и их безопасном обороте. Внедрение цифровизации прав собственности одновременно усиливает прозрачность системы и минимизирует риски фальсификации либо хищения активов.

Виртуальные активы характеризуются способностью к мгновенному перемещению между участниками, автоматизированному выполнению условий и системному учёту операций. Подобные характеристики открывают инновационные перспективы как для коммерческих структур, так и для конечных пользователей, одновременно катализируя прогресс цифровизированной экономической среды.

Под цифровыми правами понимается информация в электронном виде, которая подтверждает посредством уникального кода права собственности на различные объекты гражданско-правовых отношений. Существует четыре основные категории цифровых прав: смарт-контракты, цифровые активы, виртуальное имущество и цифровые услуги.

В эпоху цифровой трансформации возникает потребность пересмотра традиционных концепций имущественных отношений путём законодательного закрепления термина «цифровая вещь». Такой объект представляет собой независимый нематериальный актив, участвующий в гражданском обороте, к которому применимы нормы Гражданского кодекса о вещных правах, за исключением случаев, когда законодательство устанавливает иное или когда специфика цифрового объекта этому противоречит. Отсутствие физической формы у цифровой вещи определяет её существование как специфического информационного массива, обладающего уникальными характеристиками, позволяющими выделить данный цифровой актив среди прочих объектов гражданско-правовых отношений.

С учетом специфики современных технологий необходимо дополнить существующую нормативную базу новыми способами защиты прав в цифровой среде. Разработка отдельного федерального нормативного акта под названием «О цифровых правах» представляется обоснованной мерой, поскольку такой документ позволит подробно определить сущность подобных правовых отношений и закрепить эффективные методы их охраны в соответствии с актуальными вызовами времени.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
4. Абрамова Е.Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав // «Юрист». – 2023. - N 1 // Документ предоставлен КонсультантПлюс
5. Бородин В. А. Интернет вещей-следующий этап цифровой революции // Образовательные ресурсы и технологии. – 2014. – №. 2 (5). – С. 178-182.

6. Вакулина Г. А. О видах цифровых прав //Хозяйство и право. – 2023. – №. 6. – С. 3-12.
7. Курбанов Р. А., Савина В. С., Гурко А. В. Характеристика правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – №. 8. – С. 4-12.
8. Шайдуллина В. К. Зарубежный опыт использования цифровых финансовых активов в гражданском обороте //Теория и практика общественного развития. – 2025. – №. 3. – С. 127-132.
9. Щелокова А. А., Яковлев В. И. Сравнительная характеристика правового режима утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов //Юрист. – 2021. – №. 11. – С. 39-43.
10. Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав //Гражданское право Учредители: Гриб ВВ. – №. 5. – С. 15-18.